

ному, самому Творцу Небесному, всей земной и под-
земной твари Промыслителю"... Затѣмъ сказаніе, вос-
произведя картину грѣхопаденія прародителей чело-
вѣчества и изгнанія ихъ изъ рая, снова возвращается
къ описанію райскихъ рѣкъ, окружившихъ, по пред-
ставленію народа, семью огненными кольцами „пре-
свѣтлыя сады райскіе“, чтобы изгнанники не могли
проникнуть въ свою прежнюю обитель:

«Текуть-бѣгутъ рѣки райскія,
Семь глубокихъ рѣкъ, семь широкихъ—
Текуть-бѣгутъ огнемъ-полымемъ
Округъ Божія рая Господняго,
Аки змѣи огнепалимыя;
Не угасати рѣкамъ съ вѣка до вѣку,
До того-ли до второго пришествія...
Текуть-бѣгутъ рѣки райскія—
По землѣ текутъ огнемъ-полымемъ,
Подъ землею рѣки водой разбѣгаются,
Поютъ всеѣ глыбъ поддонную,
По всему подселенному міру расплываючись—
На уладу всему свѣту бѣлому,
На утѣху всему люду крещоному,
Крещоному міру православному...
Отъ тыхъ-ли семи райскихъ рѣкъ—
Семи райскихъ рѣкъ пресвѣтлыхъ—
Седьмижды семь ручьевъ пошли,
Проторили подъ землею пути незримыя,
Незримыя пути незпамятыя;
Отъ тыхъ-ли седмижды семи ручьевъ
Проточились протоки подземныя,—
Никому-то ихъ вживѣ не исчислити,
Ни одной душѣ не измѣрити...
Текуть-бѣгутъ рѣки райскія,
Разбѣгаются ручьями да протоками,
Точутъ воды глыбъ поддонную,
Ко Божьему красну солнышку выбиваючи:
Гдѣ проглянетъ ко водамъ солнышко—
Протечетъ ручей водой живой,
Той живой водой да цѣлбною:
Гдѣ повиснетъ надъ ними туча грозная—
Потѣчи ручью мертвѣй водой»...

Первый ручей живой воды по словамъ сказанія, пробился „ко Божьему красну солнышку“, въ пустынь Ханаанской—отъ удара жезла Моисеева; второй — забилъ со дна „Ердань-рѣки“ во время крещенія Господня; третій разлился „во святомъ градѣ, во Русалимовѣ“, образовавъ собою евангельскую „Овчую купель“. Мертвая-же вода впервые показалаcя на землѣ „на той на горѣ Голгоестіи, съ-подъ того-ли живо-творящаго Креста Господняго, изъ честныя главы Адамовой“—въ то самое мгновеніе, когда Распятый Сынъ Божій возгласилъ: „Отче! Въ руки Твои предаю духъ Мой!“ и померкло солнце, и завѣса во храмѣ Іерусалискомъ раздралась на-двое, сверху до-низу, и земля потряслась, и камни рассѣлись, и гробы отверзлись, и многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли... Связывающая появленіе на землѣ мертвой воды съ крестной смертью Спасителя міра, народъ-сказатель придаетъ этой водѣ особо важное значеніе, нѣсколько даже противорѣчащее ея наименованію. Народное воображеніе надѣляетъ „мертвую воду“ силою приращиванія отдѣльных кусковъ человѣческаго тѣла одинъ къ другому. Стоитъ-де только спрыснуть мертвой водою разрубленнаго на части человѣка, какъ въ тотъ-же мигъ сроснется все тѣло бездыханное; стоитъ-де послѣ этого окропить его живой водою—и оживетъ убитый, какъ-будто никакого лиха съ нимъ не было. Потому-то во многихъ сказаніяхъ русскаго народа и выбиваютъ изъ-подъ земли оба ручья-протока (и мертвой, и живой воды) рядомъ—чтобы облегчить поиски ихъ могучимъ богатырямъ, возлюбленнымъ дѣтищамъ народнаго творческаго воображенія, или старцамъ—каликамъ-перехожимъ, заслужившимъ своими подвигами не только спасеніе души, но и благоволеніе Божіе, выразившееся въ надѣленіи ихъ даромъ исцѣленія всѣхъ недуговъ.

На вопросъ, откуда-же взялась въ райскихъ рѣкахъ одновременно и живая, и мертвая вода?—отвѣ-

часть русскій народъ словами другого, очевидно родственнаго съ только-что приведеннымъ, сказанію, дошедшаго до нашихъ дней, также въ стиховной передачѣ все тѣхъ-же пѣвцовъ бродячей Руси. Это сказаніе значительно поясняетъ первое. „Жилъ-былъ во раи святъ-великъ мужъ,—поють убогіе выразители-носители народныхъ думъ:—во пресвѣтлымъ обиталъ Адамій, жилъ-былъ Адамій, грѣха не знаючи, ни того-ли великаго прегрѣшенія, ниже словомъ, ниже дѣломъ, ниже вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ... Навелъ Адамія на грѣхъ діаволь-змій, улестилъ лукавый прегрѣшити мати-Евву: преступиша заповѣди Господни, вкусиша отъ познанія древа“... За этими стихами въ сказаніи, очевидно, пропущено мѣсто, утратившееся въ народной памяти, а потомъ идутъ поющіяся непосредственно за сохранившимися слѣдующія слова: „Изыдите, вы, сотворшая злая; изыдите, падшая во грѣсѣхъ; изыдите, діавольскіе послушницы! Не жити, не быти вамъ во пресвѣтлымъ раи, не гуляти во Божіихъ садахъ—не прохладатися, той-ли райскою живой водой не омыватися, не испѣляти вамъ во райскихъ рѣкахъ печалей-болѣзней: къ вамъ жива вода вмертвѣ дотечетъ—не для вѣчнаго испѣленія, а для ради временной жажды утоленія (утоленія?)“. Услышалъ, — гласить народный сказъ,—эти слова Бога-Саватова Сынъ Божій и сжалился надъ соблазненными діаволомъ изгнанниками обитателей райскихъ. „Да будетъ имъ, Отче, утѣшеніе!—вознесъ Онъ къ Судіи Праведному слезную мольбу:—да снидетъ на нихъ Твое, Господи, благоволеніе—за труждающихся-обремененныхъ упованіе, за то-ли многогрѣшное покаяніе! Дай имъ, Отче, великъ урокъ; дай имъ, Отче, святой завѣтъ; кто на семъ свѣтѣ праведенъ человекъ—тому воды райскія открываются; кто на семъ свѣтѣ праведенъ-многомилостливъ—тому живой воды омовеніе, прародительскихъ прегрѣшеній оставленіе; кто-кто на семъ свѣтѣ во грѣсѣхъ

живеть, во своихъ-ли грѣхахъ нераскаянныхъ — кто-кто на семь свѣтѣ жестокъ-немилостливъ — тому мертвой воды омовеніе, прародительскими грѣхами потопленіе!“ И вотъ, по словамъ сказанія, съ той поры:

«Съ-подъ бѣла камня-алатыря вода бѣжить,
Съ-подъ горячаго волна течеть,
Гдѣ бѣжить-течетъ—незнаемо,
Міру грѣшному невѣдомо:
Что жива-ль вода студеная,
Студенѣ вода цѣлебная!..
Съ-подъ бѣла-горюча камушка,
Изъ-подъ спуда свѣта бѣлаго,—
Гдѣ жива вода, гдѣ мертвая,
Знають только старцы Божіи,
По Господню слову вѣдаютъ:
Отъ живой воды роса идетъ
По всему-ли свѣту бѣлому,
Отъ мертвой воды—зла помага,
Та-ли ржавчина бдучая»...

Несмотря на сбивчивость и запутанность вырисовывающагося изъ этихъ двухъ сказаній народнаго представленія о живой и мертвой водѣ, всетаки можно вывести о немъ нѣкоторое опредѣленное заключеніе. Но оно еще болѣе выясняется такими простонародными поговорками-присловьями, каковы напримѣръ: „У зла челоуѣка и живѣ вода мертвой вскинется!“, „Благословясь да добрымъ дѣломъ оградясь—и мертвой водой оживишь!“, „Живѣ вода къ добру течеть, мертвѣ вода—къ худу зоветъ!“, „Черной души ни живой, ни мертвой водой не отмытъ!“ и т. п. Въ этихъ своихъ изреченіяхъ народъ какъ-бы связываетъ съ понятіемъ о живой и мертвой водѣ понятіе о добродѣтельной и порочной-грѣховной жизни, ставя ихъ въ непосредственную зависимость между собою. Таковъ уже обычный извѣстный пріемъ всѣхъ русскихъ народныхъ сказаній, о чемъ бы въ нихъ ни велась рѣчь, какими бы вопросами жизни они ни были вызваны на свѣтъ Божій.

Существуетъ въ пѣсенномъ обиходѣ убогихъ пѣвцовъ — каликъ-перехожихъ и совершенно иначе объясняющій происхождение живой воды стихъ-сказъ, сложившійся-запѣвшійся, вѣроятно, въ болѣе позднія времена, чѣмъ пересказанные выше. Въ немъ народъ-сказатель ни словомъ не упоминаетъ о „пресвѣтлѣмъ рай“, какъ о мѣстѣ первоисточниковъ этой таинственной силы природы, а прямо переноситъ дѣйствіе въ сказочную обстановку — на островъ Буянъ („посередь моря-Кіяна“). „Съ-подъ камешка, съ-подъ бѣль-камня алатыря протекли по землѣ всѣ рѣки быстрыя“, — выпѣваетъ-выводитъ онъ свое слово стиховное: — протекала съ-подъ бѣлаго латыря и жива рѣка, разбѣгалась рѣка жива родниками-ключами гремѣющими подо всю вселенную—всему міру на исцѣленіе, всему міру на утомленіе...“ Далѣе, какъ и въ знаменитомъ стихѣ о „Голубиной Книгѣ“, поясняется, что на этомъ-самомъ „латырѣ на камени“ происходило дѣло великое,—на немъ:

«... бесѣдовалъ да опочивъ держалъ
Самъ Исусъ Христосъ да Царь Небесный
Съ двенадцати со апостоламъ,
Съ двенадцати со учителямъ, —
Утвердилъ Онъ вѣру на камени...»

Слово Божіе разлилось живой волною по всему свѣту бѣлому, а одновременно съ этимъ — по народному сказанію—забилъ изъ-подъ камня-алатыря („бѣль-алатырь камень—всѣмъ камнямъ мати“) первый ключъ цѣлебной („живой“) воды. Чудодѣйная сила этой послѣдней получается такимъ образомъ какъ-бы отъ прославленнаго русскимъ сказочнымъ словомъ камня, величаемаго то „матерью“, то „отцомъ“, то „царемъ“ всѣхъ камней. „Идутъ по морю много корабельщиковъ, — продолжается сказаніе, — идутъ-плывутъ по морю синему, у того камня-латыря останавливаются; они берутъ съ него, съ камня бѣль-горючаго, берутъ

снадобья цѣлебныя, развозятъ по всему-ли свѣту по бѣлому, по всему-ли міру крещоному, крещоному-ли міру христіанскому...“ По другому разносказу — „на томъ бѣло-латырѣ-камнѣ стоитъ свято-Божья церковь, золотая церковь Господняя; во той золотой церкви стоитъ святъ-золотъ престолъ; на томъ златѣ престолѣ сидитъ самъ Господь Іисусъ Христосъ; съ-подъ того злата престола жива вода бѣжитъ, что жива-ль вода цѣлебная—всему міру живоносная... Кто попьетъ тоя воды—вѣкъ не старится, лютыхъ болѣстей избавляется, бѣдъ-напастей огородится. Выпилъ старъ-человѣкъ — младъ-младехонекъ; выпилъ младъ-человѣкъ—образумился, ко Царю-Кресту (Христу) преклоняется, вѣры-истины поучается. Слаще нѣтъ тоя воды, нѣтъ цѣлебнѣе — чудотворнѣе, міру Божьему живоноснѣе... Отъ тоя воды по землѣ слава идетъ, по всей земли подселенныя; а про ту воду споконъ вѣковъ добрымъ людямъ на землѣ вѣдомо: кто найдетъ ее—той спасенъ будетъ, кто спасенъ будетъ — той праведникъ, Богу-Господу святъ-угодникъ, за весь міръ-народъ челобитчикъ, за грѣхи мірскіе печальникъ“... „Были такіе люди праведные, что добывали живой воды, — прибавляютъ иные сказатели къ своему сказу,—были, да по вешней водѣ сплыли; и есть на свѣтѣ жива вода, да принести-то ее некому: всѣ равно мертвой водой захлебнулись!..“ Грѣховность, слѣдовательно, является помѣхой добыванію живой воды, омывающей-исцѣляющей не только тѣлесныя недуги, но и духовныя. Это сознаніе ясно выразилось въ пѣснѣ раскольниковъ-морельщиковъ, записанной еще въ началѣ минувшаго столѣтія въ Архангельской губерніи:

«Тонетъ тѣмень міръ во грѣсѣхъ,
Во грѣсѣхъ незамоленныхъ,
Угязли во грѣсѣхъ души смрадныя,
Не услышати грѣшникомъ прощенья,
Не извѣдати Божія благоволенія...

Сбились люди грѣшніи съ пути истинна
Ко тому-ли источнику живоносному,
Ко источнику живой воды»... и т. д.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь — одна и та-же основная мысль, одно и то-же руководящее настроеніе, не видящее исхода изъ охватившей грѣшника тьмы кромѣшной, заставляющее забывать стародавнее преданіе о томъ, что «безъ живой воды рѣкамъ изсякнути, безъ семи праведниковъ землѣ не стоять»...

Міровоззрѣніе народа-сказателя, какъ слагателя „духовныхъ стиховъ“, въ этомъ случаѣ далеко не совпадаетъ со взглядами его, какъ творца сказокъ и былинъ. Въ послѣднихъ онъ является и болѣе практическимъ, и болѣе жизнерадостнымъ. Въ нихъ не слышится ни безнадежности, не замѣчается ни стремленія объяснить непостижимое отвлеченными понятіями. Въмѣсто туманныхъ разсужденій выступаютъ яркія картины; вмѣсто сбивчивыхъ представленій о происхожденіи вещей ведется вполне опредѣленная, хотя и не подкрѣпляемая никакими устоями мысли, рѣчь. То-и-дѣло случается встрѣчаться съ самыми, повидимому, невѣроятными сопоставленіями, но ни разу и не приходитъ въ голову заниматься провѣркой ихъ правоспособности: сказка—складка (выдумка), пѣсня—быль. И не въ томъ дѣло, что выдуманно, а въ томъ, что хорошо („складно“) выдуманно; не въ томъ суть, точно-ли именно такъ было, а въ томъ, что было, — хотя и быльемъ поросло въ памяти народной. Недаромъ и самъ народъ говоритъ: „Добро, когда сказка ладно складывается, а жизнь и того складнѣй!“, „Безъ хлѣба сытъ не будешь; про то — чего не было — пѣсню не споешь!“ Въ этомъ высказался весь его личный взглядъ на сказку и былевую пѣсню, которыми такъ богато его творческое прошлое, завѣщанное въ наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ пахарей и оберегаемое пытливыми изслѣдователями народнаго быта, вотъ уже болѣе

столѣтія зоркимъ взглядомъ присматривающимися къ звенящимъ изъ далекой дали вѣковъ гулкимъ отголоскамъ пережитой богатыремъ-народомъ, неизгладимой изъ его исторіи, живучей старины..

Живая вода русскихъ сказокъ и былинъ неизмѣнно является надѣленною цѣлебными силами. Такъ, напримеръ, она исцѣляетъ слѣпоту, молодитъ старость, даетъ силу разслабленнымъ и немощнымъ, способствуетъ плодородію и даже, если вѣрить на-слово народу-сказателю, воскрешаетъ изъ мертвыхъ. Народное вѣщее слово то находитъ ее чуть-ли не въ каждомъ „гремачемъ“, выбивающемъ изъ камня, ключѣ-родникѣ, то отсылаетъ на поиски за нею въ тридевятое царство, въ тридесятое государство. Иногда добываютъ ее очень просто—по указанію знающихъ людей; иногда же могутъ довести до нея только крылатые кони; а по нѣкоторымъ сказочнымъ указаніямъ—приносятъ ее на бѣлый свѣтъ только вѣщія вороны, да и то однимъ могучимъ богатыремъ.

Въ иныхъ сказаніяхъ за „живую“ воду, обладающую всѣми присущими ей свойствами, сходитъ каждый плодотворный весенній дождь (осенній, въ свою очередь, слыветъ за „мертвую“); другіе сказатели ищутъ живой воды въ вечерней росѣ — на Юрьевъ и Ивановъ день. Послѣднее совершенно тождественно съ распространеннымъ во многихъ мѣстностяхъ повѣрьемъ, заставляющимъ собирать эту росу въ качествѣ цѣлебнаго снадобья. Весенній дождь, по народному преданію, возвращаетъ зрѣніе даже самому солнышку красному, ослѣпленному зимой-Мораною. Если,—говорятъ старые свѣдущіе люди, — омочить влагою перваго вешняго ливня глаза слѣпому, они прозрѣютъ,—въ томъ случаѣ, когда за плечами слѣпца нѣтъ особенно тяжелой ноши незамоленныхъ грѣховъ.

Въ извѣстномъ, впервые записанномъ Рыбниковымъ, сказаніи: „Сорокъ каликъ со каликою“ могучій

богатырь Михайло-Потыкъ (Потокъ) Ивановичъ является исцѣленнымъ живою водою внешней цѣлебной росы. Оклеветанный на пиру великокняжескомъ въ покражѣ драгоцѣнной чаши, онъ былъ пойманъ на дорогѣ и осужденъ на ослѣпленіе: „Ясны очушки у него по-выкололи,—гласить былинное слово,—и бросили богатыря на раздольице-чисто поле...“ Ощупью добрался ослѣпленный Михайло-Потыкъ Ивановичъ до „сырого дуба“; а въ то-же время „прилетала птица райская, садилась на тотъ на сырой дубъ, пѣла она пѣсни царскія:

«Кто въ эту пору-времячко
Помоется росою съ шелковой травы,
Тотъ здоровъ будетъ!»

Дошли пѣсни райской птицы до слуха обездоленного богатыря Земля Русской: „тутъ онъ Михайло-Потыкъ Ивановичъ вздогадался, росою съ шелковой травы умывался, стали его раны кровавыя заростати, стали его очушки проглядати...“ Живая вода возвратила ему и силы, и зрѣніе.

Славяно-русскія сказанія о языческихъ богахъ приписываютъ происхожденіе живой воды богу-громовнику — Перуну и заключаютъ ея источники въ тучи („горы толкучія“), изъ которыхъ она и проливается весною на землю, жаждущую оплодотворенія. Это преданіе совершенно совпадаетъ съ древне-индійскимъ представленіемъ о священныхъ источникахъ, питающихъ съ неба божественную рѣку Гангъ, исцѣляющую своей „живою водою“ всѣ болѣзни поклонниковъ Брамь и Шивы. Рѣки, ниспадающія съ горныхъ вершинъ, у многихъ первобытныхъ народовъ считались берущими начало въ небесныхъ горахъ (тучахъ),—почему и воды ихъ признавались цѣлебными. Многіе горные родники, благодаря минеральному составу воды, дѣйствительно оказывали явную помощь въ тѣхъ или иныхъ болѣзняхъ,—что давало еще болѣе изобильную пищу темъ

ному народному суевѣрію, видѣвшему вездѣ и всюду своихъ боговъ—то грозныхъ, то милостивыхъ. Слава о цѣлебныхъ водахъ разбѣгалась вдаль и почти всегда принимала столь необычайную окраску, что народное воображеніе только и могло допустить существованіе чудодѣйственныхъ источниковъ среди моря-океана на островѣ Буянѣ, гдѣ-нибудь за тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, во владѣніяхъ сказочной Царь-Дѣвицы, охраняемыхъ змѣями-драконами или Кощеями Безсмертными. И это было не только въ предѣлахъ народной Руси, но и у всѣхъ другихъ родственныхъ и даже не родственныхъ ей порубежныхъ-сосѣднихъ народовъ—какъ славянскаго, такъ и германскаго происхожденія. Цѣлебная вода превращалась народнымъ воображеніемъ въ молодящую и даже безсмертную.

Въ замѣчательномъ изслѣдованіи Аванасьева о поэтическихъ воззрѣніяхъ славянъ на природу говорится, что еще Александръ Македонскій ходилъ добывать эту „безсмертную“ воду, сокрытую между двумя отворяющимися и затворяющимися горами въ странѣ ночного мрака. Славянскія сказки ведутъ рѣчь о матери, посылающей сына къ двумъ „великанскимъ горамъ“, изъ которыхъ одна (правая) отворяется въ полдень и бьетъ ключомъ живой воды, а другая (лѣвая)—въ полночь и точитъ изъ своихъ нѣдръ мертвую воду. Новогреческія, украинскія и русскія сказки—всѣ въ одинъ голосъ говорятъ о такихъ-же горахъ. Поѣхалъ, — повѣствуютъ наши сказочники, — младъ царевичъ въ тридесятое царство за живой водою: пріѣхалъ въ чуждыя земли незнаемыя, видитъ — стоятъ горы бокъ-о-бокъ, прижались другъ къ другу. Только одинъ разъ въ сутки расходятся врозь эти горы; пройдетъ двѣ-три минуты — опять вплотную одна къ другой прилегли. Кипитъ-гремитъ между этими горами ключъ живой воды... Подѣхалъ къ горамъ царевичъ, стоитъ—под-